

Прежде всего важно установить, представляют ли собой все эти три челобитных (или какие-то из них) автограф Ивана Тимофеева? Почерк первой (по времени) челобитной 1613 г. (из архива ЛОИИ) имеет известное внешнее сходство по своей общей структуре с почерком подписи и заметок Ивана Тимофеева на книге десятиен по городу Елифани 1605 г., считающихся его автографом. Однако, даже принимая во внимание длительный срок (восемь лет), разделяющий два документа (а за этот срок человеческий почерк, несомненно, меняется), никак нельзя предполагать, что документы написаны одним лицом. Бросается в глаза и различие в манере подписываться. Поэтому нельзя признать челобитную 1613 г. автографом Тимофеева.

Очень близки по манере письма челобитные Тимофеева 1614 и 1615 гг. (из Стокгольмского государственного архива). По-видимому, они написаны одним почерком. А это делает весьма заманчивым предположение, что перед нами в обоих случаях автограф Ивана Тимофеева. Но почерк челобитных совсем расходится с почерком заметок на листах книги десятиен по городу Елифани 1605 г. А измениться столь существенно почерк не мог даже за десять лет. Значит, что-либо одно: или неверно предположение О. А. Державиной о том, что заметки на книге десятиен сделаны Тимофеевым, или надо признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. написаны не Тимофеевым. Вероятно, правильное второй вывод. Перед нами и в данном случае не автограф Тимофеева.

Сличая почерк челобитных 1614 и 1615 гг. с почерками «Временника», замечаем известное сходство по манере письма между челобитными и вторым почерком «Временника». В данном случае расхождения могут быть вполне объяснены длительностью срока, разделяющего оба памятника.

Но как объяснить это сходство? Ведь почерк второй «Временника» — самый поздний по времени. Им написан текст на бумаге с филигранью 60-х годов. Ясно, что даже если признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева (что маловероятно), то никак нельзя допустить, что ему же принадлежит почерк второй «Временника». Вряд ли можно думать, что Тимофеев, который уже во времена Бориса Годунова был дьяком, дождал до 60-х годов XVII в.

Но, может быть, заслуживают внимания два других предположения: первое менее вероятное, второе более вероятное. Я уже говорил, что вряд ли челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева. Но если признать их за автограф, то тогда можно допустить, что текст «Временника», написанный вторым почерком, скопирован с текста, сделанного рукою Тимофеева, причем переписчик 60-х годов XVII в. ставил своей задачей не только скопировать оригинал, но и передать манеру письма автора. Повторяю, эта гипотеза не кажется мне особенно удачной. Но отметить такую возможность следует.

Более вероятно другое. Не принадлежит ли почерк второй «Временника» кому-либо из лиц, близких Тимофееву, бывших с ним в Новгороде во время интервенции и писавших от его имени челобитные в 1614 и 1615 гг.? Если это так, тогда станут понятными и некоторые общие черты, имеющиеся в манере письма челобитных и текста «Временника», написанного почерком вторым, и разница в письме, объясняемая изменением почерка писца за весьма большой промежуток времени.

Можно ли думать, что в конце 50-х годов XVII в., когда был поставлен вопрос о составлении новой «Степенной книги», лица, ведавшие этим делом, заинтересовались не только трудом Тимофеева, но и теми, кто вместе с дьяком был в Новгороде, где он писал свой «Временник»? По-моему, это вполне вероятно, если принять во внимание, что Записной